

Фрауке
Шойнеманн

Приключения
КОТА-
детектива

Сыщик
на арене

Фрауке Шойнеманн

Сыщик на арене

Серия «Приключения кота-детектива», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48634634

Сыщик на арене / Фрауке Шойнеманн: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-088646-3

Аннотация

Уинстон вместе с Кирой и друзьями отправляется в парк развлечений, в котором есть всё! Американские горки, «Пещера ужасов», сахарная вата и настоящий цирк! Агент на мягких лапах примеряет на себя новую роль – циркового артиста! Вместе с другими зверями Уинстон выступает на арене, поражая публику своими талантами. Но во время одного из выступлений в зрительном зале происходит целая серия краж! Кто-то ворует вещи у публики. Не поверите: главный подозреваемый – клоун! Однако Уинстон уверен, что настоящий преступник прячется за другой маской. Кто же он?

Содержание

О волшебных словах, нервных взрослых и отличных идеях	5
Дамы двора и дамы сердца	16
Кот в мешке, странные уборщики и адская поездочка	25
Путаница с тяжелыми последствиями	35
Спаситель поневоле	47
Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес!	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Фрауке Шойнеманн

Сыщик на арене

Frauke Scheunemann

Winston – Kater Undercover

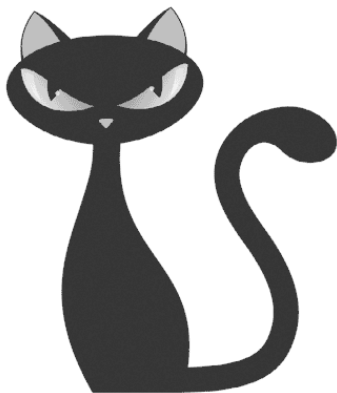
© 2016 Loewe Verlag GmbH, Bindlach

© Торгашина Анна, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

Для Софи

О волшебных словах, нервных взрослых и отличных идеях

Каникулы. *Каникулы.* Каникулы! Кира произносила это слово так, словно оно волшебное. Будто его можно использовать как заклинание. Я присмотрелся к ней внимательнее: не происходит ли с ней каких-нибудь превращений? Не покрывается ли она, случайно, шерсткой? Не меняется ли, часом, цвет ее кожи? Нет. Ничего подобного. Это была все та же тринадцатилетняя девочка – моя лучшая подруга, и внешне она ни капельки не изменилась.

– Каникулы! – сказала она еще раз, точнее громко вос-

кликнула, широко сияя улыбкой. Потом она наклонилась, взяла меня на руки и почесала мне за ушками.

– Каникулы, Уинстон! Сегодня начинаются каникулы на Троицу! Здорово, правда?

Ну, я бы так не сказал. Мне, в общем-то, все равно – я-то, в конце концов, каждый день высыпаюсь. Впрочем, то недолгое время, когда после удара молнией я очутился в Кирином теле и был вынужден ходить в школу¹, я, если честно, вспоминаю с содроганием. Прежде всего потому, что там меня сразу же начала мучить главная школьная вредина Леония со своими противными подружками, и из-за их дурацкой попытки взять меня на слабо я даже угодил в полицейский участок. Да и среди учителей попадались довольно неприятные. Так что в этом смысле Кира, конечно, совершенно права. Школа? Нет, спасибо! Каникулы – ура!

– Каникулы! Опять! – В комнату вошла мама Киры Анна и присела рядом с нами на кровать. – Сплошные каникулы! Летние, осенние, рождественские, мартовские, а теперь еще и каникулы на Троицу! Школа чаще закрыта, чем открыта. Как вы вообще там чему-то научитесь? И чем прикажешь тебя снова занять, Кира? Мне ведь, в конце концов, нужно работать. Каждый раз одна и та же проблема! – ворчала она себе под нос.

Муррр-мяу – так вот оно что: хорошее дело каникулы или нет, зависит от того, кого спросить. И у Анны на этот счет

¹ Читай об этом в книге Фрауке Шойнеманн «Агент на мягких лапах».

свое мнение.

Кира улыбнулась:

– Мама, ну я ведь уже не маленькая. Тебе не нужно меня *занимать*. Я сама найду, чем заняться.

– Ах вот как? И чем же это? Наверняка всякой ерундой. Нет, это даже не обсуждается. Я уже кое-что придумала и записала тебя на интенсивный курс английского. Дорого, конечно, но там ты хотя бы чему-то научишься, – энергично заявила Анна.

– Что-что?! – Кира задыхнулась от возмущения. – Интенсивный курс английского? Ну зачем?! Я хотела наконец-то устроить себе релакс, а тут опять учиться!

Теперь пришла очередь Анны улыбнуться.

– Охотно верю. Но, к сожалению, сразу после каникул у тебя контрольная по английскому, а, если мне не изменяет память, последнюю работу ты написала далеко не блестяще.

– Неправда! Я получила за нее четверку с минусом! Это не так уж и плохо!

– Но не так уж и хорошо. Все, решено – пойдешь на курс. Занятия с девяти до двух, так что тебе хватит времени и на *релакс*.

С этими словами Анна встала с кровати и вышла из комнаты. Кира осталась лежать рядом со мной, кипя от возмущения. Наконец она покачала головой и принялась ругаться на чем свет стоит.

– Нет, ты это слышал, Уинстон?! Да это же просто чудо-

вишно! Каждый день по пять часов учить английский! Высшая мера наказания! Я хотела провести время с Паули и Томом. Выбрать погожий денек и махнуть на Эльбу, посидеть на берегу, пожарить что-нибудь на костре. Может быть, даже переночевать в палатке. А теперь об этом и думать нечего... Это просто нечестно с маминой стороны! – Она рубанула ладонью подушку, и я на всякий случай отполз в сторонку.

Бедняжка Кира! Только что у нее было замечательное настроение – и тут вдруг такое! Подростком быть и правда непросто. По крайней мере, если у тебя такая мать, как Анна: она хоть и очень милая, но к школе относится ужасно серьезно. Это Анна определенно унаследовала от собственной матери, Кириной бабушки. Во всем, что касается учебы, оценок и домашних заданий, с бабушкой шутки плохи.

Вообще-то бабушка живет в России, но уже довольно давно гостит у нас. И с тех пор мы все заметно прибавили в весе, потому что готовит она просто сногшибательно. Кроме того, домашние задания Киры всегда сделаны, а иностранные слова выучены. Потому что бабушка держит все под строгим контролем.

– Твоя мать – настоящий локомотив, – сказал однажды Вернер Анне.

Поначалу я удивился: ведь ни локомотивы, ни вагоны, которые обычно к ним цепляются, у нас по квартире не ездят. И те и другие, насколько мне известно, водятся лишь на вокзалах, а поскольку передвигаются они исключительно по

рельсам, риск наткнуться на поезд в гостиной крайне невелик. Но потом до меня дошло, что Вернер имел в виду: бабушка не дает нам расслабиться, держит в тонусе и приводит в движение – тащит всех за собой, как локомотив вагончики. И в этом он несомненно прав.

Кто такой Вернер? Вернер Хагедорн – профессор, мой домашний специалист по открыванию консервных банок, с которым мы уже много лет живем в полном согласии и гармонии. Он преподает физику в Гамбургском университете и живет со мной, Анной, Кирой и бабушкой в доме по адресу Хохаллее, 106а, в респектабельном гамбургском районе Харвестехуде. Анна – его экономка. Но не только. Некоторое время назад Анна и Вернер стали парой. Ну то есть теперь это два человека, которые любят друг друга.

Кстати, о любимых людях. Кира наконец-то прекратила лупить подушку, и теперь можно было попытаться ее утешить, не подвергая себя опасности. Прижавшись к ней, я принялся мурлыкать изо всех сил и даже разок лизнул ее щеку шершавым языком. Это сработало: она слегка улыбнулась в ответ, обхватила меня рукой и начала чесать мне брюшко. Мууууррррр! Ну вот, так уже намного лучше!

– Английский – что за чушь! – прошептала она мне на ухо. – Надо как-то от него отвертеться. Как назло, ни одной идеи! – Потом она перевернулась на спину и посмотрела на потолок. – Милый Бог! Пожалуйста, пусть что-нибудь произойдет, чтобы мне не пришлось ходить на интен-

сивный курс английского. Обещаю отныне и впредь всегда-всегда наводить порядок в комнате и менять наполнитель в лотке Уинстона. И почаще класть ему в миску разные вкусы.

Муррр-мяу! Звучит очень неплохо! Для надежности я решил тут же присоединиться к этой молитве. Итак, милый кошачий бог – пожалуйста, постарайся как-нибудь помешать этому дурацкому курсу английского, чтобы мне перепало побольше вкуснятины! Обещаю, что отныне и впредь буду... Тут я на секунду задумался, что же такого мог бы пообещать... Ну хорошо, обещаю, что попытаюсь иногда ловить мышей. Хотя мне это, честно говоря, совершенно не по душе. Впрочем, наши молитвы все равно вряд ли будут услышаны – ведь если уж Анна что-то вбила себе в голову, переубедить ее, к сожалению, почти невозможно...

– Уинстон, хороший мой! – плюхнулся рядом со мной на диван Вернер. Я как раз дремал перед ужином, точнее – собирался подремать – ведь профессор Хагедорн только что весьма грубо прервал мой сон. Что это еще за безобразие?! Как теперь прикажете сосредоточиться на еде, если я совершенно не выспался! Я бросил на Вернера взгляд, полный упрека, но он, кажется, не обратил на него никакого внима-

ния. Вместо этого он покопался в кармане штанов, извлек оттуда какую-то коробочку и подsunул ее мне под нос:

– Знаешь, что там внутри?

Только люди могут задавать такие дурацкие вопросы. Я ведь, в конце концов, не владею даром ясновидения. В ответ я лишь коротко мяукнул. Вернер тихонько засмеялся и погладил меня по голове:

– Что, дружок, не терпится узнать, да?

Чушь. Не испытываю ни малейшего желания. Пусть даром ясновидения я и не обладаю, зато яснообоняния у меня не отнять. Иными словами, будь в коробочке паштет из гусиной печенки или сардина в масле, я бы их сразу учуял. А прочее таинственное содержимое меня совершенно не интересует!

Вернер покрутил коробочку в руках.

– Подожди, мой хороший, подожди, – пробормотал он. – Очень скоро ты обо всем узнаешь. Скажу лишь, что это полностью изменит нашу жизнь. Во всяком случае, я на это надеюсь. А сейчас я собираюсь все идеально для этого обставить, уж извини!

Святые сардины в масле! Что за чушь он несет? Идеально все обставить? Что он имеет в виду? Мебель? Но зачем – ведь наша квартира и так прекрасно обставлена? Нелепица какая-то!

– Ужин готов! – крикнула бабушка из кухни, сразу положив конец моим раздумьям о мебели и прочих предметах обстановки. Ведь когда бабушка готовит что-нибудь для се-

мый, очень часто она подкармливает той же едой и меня. Поначалу Вернер пытался бороться с этой ее привычкой, но со временем смирился. Поэтому срочно в кухню!

Жадно уплетая вкуснейшее рагу из индейки, я услышал, как Вернер за обеденным столом постучал ложкой или вилкой по краю бокала. В таких случаях раздается характерный звук, похожий на звон колокольчика. Ну и ну! С чего бы это? Обычно такое бывает только на семейных праздниках. Когда Вернер в разгар застолья стучит по бокалу, это значит, он собирается произнести речь. А во время самого что ни на есть заурядного ужина он еще ни разу так не делал. Я оторвался от рагу из индейки и, движимый любопытством, пробрался в столовую.

Анна, бабушка и Кира тоже смотрели на Вернера с удивлением. Он откашлялся:

– В общем-то я не собираюсь произносить длинную речь, хочу только сказать, что на эти каникулы кое-что для вас приготовил. Небольшой сюрприз для всей семьи.

Вернер рассмеялся – как мне показалось, довольно-таки нервным смехом. Бабушка вскинула брови.

– Сюрприз? Для семьи?

– Да, вы совершенно верно расслышали, дорогая госпожа Коваленко. Сюрприз для всей семьи. Я долго размышлял, что могло бы понравиться одновременно нам всем, и вот что придумал, – тут он ненадолго прервался, чтобы достать что-то из кармана. Это та коробочка? Я пригляделся вниматель-

нее. Нет, скорее похоже на почтовый конверт. – Вот! – Вернер открыл его и вытащил оттуда какой-то листок. – Я забронировал места на всех. – Профессор положил листок на стол. Кира схватила его, пробежала глазами по строчкам и вскрикнула от радости:

– Ура! Поездка на три дня в Луна-парк! Со всей семьей! И с моими друзьями! С ночевкой в Луна-отеле прямо на территории парка! Супер! Большое-пребольшое спасибо, милый Вернер! Как я понимаю, тему с курсом английского можно считать закрытой!

Кира хихикала, Анна выглядела сердитой.

Луна-парк? Никогда о таком не слышал. Но, судя по степени восторгов, это должно быть нечто замечательное. Что-то вроде райского уголка, полного когтеточек. Я на секунду задумался, что может сравниться с когтеточкой у людей. Что доставляет им больше всего удовольствия? Возможно, телевизор? По крайней мере, люди очень любят проводить время возле него. Так, может, Луна-парк – это такой парк, где повсюду расставлены телевизоры? И диваны?

Бабушку, кажется, мучил тот же вопрос:

– Луна-парк? Что это такое?

Анна вздохнула и стала объяснять:

– Луна-парк – это большой парк развлечений неподалеку от Гамбурга. Примерно в часе езды на машине. В нем есть американские горки, водные горки и много других аттракционов. И еще там устраивают представления. И там очень-

очень дорого!

Водные горки? Святые сардины в масле. Звучит просто кошмарно! Я терпеть не могу воду! А уж вода в сочетании с какими-то горками и вовсе приводит меня в ужас. Очень надеюсь, что отпуск *всей семьей* не подразумевает участия ее четвероногих членов. Обычно на то время, пока Вернер в отпуске, я отправляюсь в дом к его матери, госпоже Хагедорн. Судя по выражению лица Анны, она тоже была не в восторге от всей этой затеи с Луна-парком. Может, ей лучше поехать к госпоже Хагедорн вместе со мной?

Бабушка же, напротив, довольно потирала руки и приговаривала с раскатистым «р»:

– Парк ррразвлечений! Очень хорррошо! Повеселимся как следует! В Омске тоже есть парк с амеррриканскими горками, там очень славно!

– И мы правда все-все можем поехать? – спросила Кира Вернера. Тот кивнул. – Мама, бабушка, я и ты? А ЕЩЕ Паули с Томом?

Снова кивок.

Кира ликовала:

– Вернер лучше всех! – Что правда, то правда! Впрочем, тут Кира, похоже, пришла в некоторое замешательство: – А как же Уинстон? Он ведь наверняка захочет поехать с нами!

Я?! Да щас! Ни в коем случае! Самая лучшая кошачья гостиница в мире называется «У госпожи Хагедорн». Поезжайте спокойно, за меня не беспокойтесь, со мной все будет

в порядке.

Вернер покачал головой:

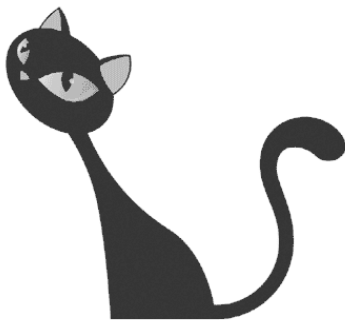
– Нет, Кира, Уинстону придется остаться здесь. В Луна-отель не пускают постояльцев с животными. На это время я зарезервировал для него место в кошачьем пансионе. Моя мать сейчас, к сожалению, тоже в отъезде, но Уинстону наверняка понравится в этом пансионе, ведь там полно других кошек.

Святые сардины в масле! Неужели я не ослышался? Кошачий пансион?! Полно других кошек?! Полно КАКИХ-ТО ЧУЖИХ кошек?! С которыми мне, наверное, придется делить диван и миску?! От удивления я чуть не подавился своей резиновой мышкой!

Скажи, что ты это не всерьез, Вернер! Клянусь своей коготочкой – ни за что на свете я не стану проводить отпуск в кошачьем пансионе!

Дамы двора и дамы сердца

Нужно просто спрятаться. Убежать.

Залечь на дно. И снова появиться, когда моя семья вернется из Луна-парка. Подумаешь, три-четыре дня на свежем воздухе – что тут сложного? В конце концов, мои хвостатые друзья Одетта, Чупачупс и Спайк живут под открытым небом, целые дни проводя на заднем дворе. Наверняка это не так уж и страшно! Почему бы мне не присоединиться к их веселому дворовому обществу? Идея хорошая, немедленно им ее предложу!

Чтобы не дать Вернеру шанса засунуть меня завтра утром в переноску, я быстро выскользнул через кошачью дверцу из квартиры, потом из подъезда и пару секунд спустя уже стоял возле навеса над мусорными баками на заднем дворе. Здесь

находится своего рода центральный штаб дворовых кошек, место встречи, куда Одетта, Чупс и Спайк всегда возвращаются. Оно и понятно: крыша навеса чуть ли не единственное место во дворе, куда падают солнечные лучи. К тому же она хорошо защищена от ветра и тут обычно уютно и тепло – в общем, отличное место, чтобы растянуться и отдохнуть с комфортом. Правда, не совсем ясно, от чего именно отдохнуть – несмотря на нашу дружбу, я до сих пор не до конца понимаю, чем Одетта и компания заняты целыми днями. Ну ладно, иногда они вместе со мной ловят преступников – а в остальное-то время что делают?

Как бы то ни было, сейчас штаб пустовал. Я запрыгнул на крышу и решил дожидаться эту троицу, а заодно немножко погреться на солнце. Его лучи приятно щекотали мне нос. Замечательно! Уверен, что запросто смогу протянуть так пару дней.

Постепенно меня сморило, и я стал клевать носом. Неудивительно – ведь день был полон волнений: новость о поездке и о запланированной отправке меня в кошачий пансион, а потом еще и... м-м... мяв... ну хорошо, пожалуй, ничего больше сегодня не произошло. Но я все равно устал. Самое время немного вздремнуть!

Разбудил меня нежный толчок носом в бок. Я открыл глаза и прямо перед собой увидел прекрасные черные глаза Одетты.

– Привет, Уинстон, чему обязаны такой честью? – про-

мурлыкала она мне.

Одетта – самая замечательная кошка в мире, она несравненно прекрасна, и мне невероятно повезло с ней дружить. Хотя почти все время она проводит на улице или во дворе, шерстка у нее нежная как шелк, и вообще она просто красавица. Поначалу она не принимала меня всерьез, называя «никчемным комнатным тигром». Но потом разглядела, что в глубине души я настоящий лев.

– Привет, Одетта, я так рад тебя видеть! Ты не поверишь, но я тут всерьез подумываю переехать на пару дней к вам во двор.

Одетта ничего не ответила, лишь уставилась на меня огромными глазами. А вот позади нее кто-то то ли громко зашипел, то ли хрипло рассмеялся. Это был незаметно подкравшийся Спайк – толстый полосатый кот. Он шипел, отряхиваясь, и, кажется, всю потешался. Интересно, над чем.

– Приветствую тебя, приятель! Что, говоришь, ты там надумал? Собрался провести пару дней во дворе? Хорошая штука!

Я сел и сердито посмотрел на Спайка:

– Вот как? И что же тут такого забавного?

Спайк потянулся и, присев рядом со мной, от всей души зевнул:

– Да это же понятно. Его высокоблагородие господин Уинстон Черчилль на мусорных баках, днем и ночью? Это не просто забавно, а смешно до жути!

Какая дерзость! Я повернулся к Одетте. Вообще-то могла бы сейчас за меня и вступиться! Но она лишь склонила голову набок и промолчала. А появившийся Чупс только подлил масла в огонь.

– Спайк прав – самый благовоспитанный и породистый кот во всей округе вдруг ни с того ни с сего решил прикинуться дворовой шпаной. Да это же курам на смех!

– Эй, прекратите обижать Уинстона! – наконец-то встала на мою защиту Одетта. Прозвучало это, впрочем, довольно вяло и совсем не убедительно. Мое самолюбие ощутило болезненный укол.

Я молча встал и пошел прочь. Нечего сидеть тут и выслушивать, как надо мной смеются. Спрыгнув с навеса, я направился прочь со двора.

– Эй! – крикнула мне вслед Одетта. – Ты куда?

Я продолжил свой путь, даже не удостоив ее ответом. Тогда она тоже сорвалась с места и, догнав, поравнялась со мной:

– Уинстон, ну не дуйся! Никто не хотел тебя обидеть! Но согласишься, твоя затея довольно-таки странная. Раньше ты никогда не изъявлял желания задержаться во дворе и после всех наших приключений торопился побыстрее укрыться в квартире.

Я остановился:

– Что значит – «укрыться»?! Я там живу!

– Ну пусть так, не важно. Пусть будет «торопился вернуть-

ся в квартиру». Сути дела это не меняет – так или иначе, всегда казалось, что тебе куда больше нравится жизнь в квартире. Без ловли мышей, но с уютным диваном.

Мяу! Что есть, то есть. Конечно, если бы не угроза пребывания в кошачьем пансионе, мне бы в голову не пришло провести отпуск во дворе. Но Одетте я об этом говорить не собирался. Вместо этого я тяжело вздохнул и театрально закатил глаза:

– Как же плохо ты меня знаешь, Одетта! Я бы и раньше с радостью согласился провести с вами день-другой во дворе – просто ты меня никогда не приглашала. А напрашиваться Уинстон Черчилль не привык!

На последних словах мой голос драматически задрожал, подчеркивая прозвучавший в них упрек. В конце концов, лучшая защита – это нападение. Одетта прищурилась и внимательно посмотрела на меня. Ох, что же она на это ответит?

– Иногда ты несешь такую чушь, Уинстон!

И она побежала обратно к Чупсу и Спайку – а я так и остался стоять, словно меня водой из ведра окатили. Святые сардины в масле! Все пошло совсем не так, как я рассчитывал!

Совершенно поникший, я приплелся обратно в квартиру.

Вернер, довольно насвистывая, вышел мне навстречу, остановился и присел рядом. Я даже не посмотрел на него. Хотите – хватайте меня, везите в кошачий пансион, какая уж теперь разница. Все равно никому нет до меня никакого дела. Даже моим так называемым друзьям дворовым кошкам.

– Уинстон, приятель, с тобой все в порядке? Ты как буд-то... поник весь, что ли, – совершенно точно подметил Вернер. В ответ я все же чуть приподнял голову и жалобно мяукнул.

– Ой-ой, голос просто душераздирающий! Дай-ка угадаю – кое с кем повздорил, да? С той самой белой дворовой кошкой – дворянкой, так сказать? Дамой твоего сердца?

Ну да. Мое сердце давно принадлежит Одетте, и от внимания самого лучшего из всех открывальщиков консервов это, разумеется, не ускользнуло. Моя подруга даже пару раз навещала меня в нашей квартире. Вот только я для нее, несмотря на все пережитые вместе приключения, так и остался изнеженным домашним котом. Тут я снова повесил голову, а Вернер взял меня на руки и почесал мне шейку.

– Ах, мой бедный друг, томиться любовной тоской и впрямь тяжело! Но поверь мне, когда-нибудь у тебя с твоей прекрасной дамой все обязательно сложится. И если не с этой – так с другой!

Мяв! Даже слышать этого не желаю! Я хочу стать героем для Одетты, а не для какой-то там посторонней кошки!

Вернер как ни в чем не бывало почесывал меня за ухом:

– Взять хотя бы меня – я ведь тоже очень много времени потратил на поиски дамы сердца. И могу тебя утешить – даже я, потрепанный жизнью старый сухарь, влюбился по уши. Анна в самом деле женщина моей мечты!

Он сиял улыбкой, но я, к сожалению, не мог разделить его радость. Ведь *я-то* еще не *потрепанный жизнью старый сухарь*, а кот в самом расцвете сил! И очень надеюсь, что Одетта все-таки разглядит во мне единственного – и притом скоро! Я недовольно мяукнул себе под нос, и Вернер опустил меня на пол.

– Все образуется, друг мой. Сейчас вот уедешь на пару дней в кошачий пансион и это, возможно, сыграет тебе на руку. Знаешь ведь, как говорят: большое видится на расстоянии!

Святые сардины в масле! Что он имеет в виду? Ох уж эти человеческие пословицы и поговорки! Я вроде бы уже много лет живу с людьми в качестве домашнего питомца, но иногда все равно бываю сбит с толку.

Большое? На расстоянии? Кошачий пансион? Я стал нервно размахивать хвостом, пытаюсь показать Вернеру, что ничего не понял. Он погладил меня по голове:

– Ну смотри, Уинстон: если ты пропадешь на пару дней, Одетта наверняка по тебе соскучится. Она заметит, как ей тебя не хватает, а когда ты вернешься, страшно обрадуется. Уверен, так и будет!

Я склонил голову набок и поглядел на Вернера. Опреде-

ленная логика в его словах, конечно, есть. Вот только в кошачий пансион мне не хочется ни при каких условиях. Значит, нужно придумать, где еще можно провести эти три дня. А не отправиться ли мне со всеми остальными в этот самый парк развлечений? А потом мы вернемся, и Одетта поймет, как по мне скучала. Хороший план!

– Так, а теперь я раскрою тебе еще один секрет, – тут Вернер перешел на таинственный шепот. – Только никому его не выдавай!

Ха-ха! Очень смешно, Вернер! Ничего не забыл? Я кот. Как, интересно, я могу выдать кому-то твой секрет?

Вернер вновь достал из кармана маленькую черную коробочку и на этот раз сунул ее мне прямо под нос.

– Угадай, что это! – потребовал он. Я снова взглянул на коробочку. Ясно было одно – ничего вкусного там так и не появилось, уж это бы я унюхал. – Ну хорошо, дам небольшую подсказку, – расщедрился Вернер. – Это связано с нашим разговором про любовь.

Святые сардины в масле, да у него, никак, солнечный удар! Какое отношение к любви может иметь эта штуковина? Наконец мне стало немного любопытно, и я даже еще раз принялся к черной коробочке. В этот момент Вернер ее открыл – раздался тихий щелчок, и... Внутри лежало кольцо – кольцо со сверкающим камнем!

Я в недоумении обернулся на Вернера. Кольцо? Ну и при чем тут любовь? Вернер захлопнул коробочку и улыбнулся:

– Ну что, удивлен? С этим кольцом, друг мой, я собираюсь попросить руки Анны.

Что-что Вернер собирается сделать? Я ничего не понял.

– Когда мы приедем в парк, я дождусь какого-нибудь подходящего, особенно романтического момента. Например, мы с Анной будем на колесе обозрения. И когда окажемся на самом верху, я достану из кармана футляр и спрошу, не хочет ли она быть моей женой. И тогда мы наконец станем настоящей семьей – Анна, Кира, бабушка, ты и я. Ну, что скажешь?

Ах вот что он задумал! Он хочет окольцевать Анну, чтобы окружающие сразу видели, что она – с ним.

Что я на это скажу? Скажу только: «МЯУ!!!» Хорошая идея! А еще добавлю: теперь-то я просто обязан отправиться вместе со всеми в Луна-парк. Как кот семьи я не могу пропустить такое важное событие...

Кот в мешке, странные уборщики и адская поездочка

Много незнакомых людей. Очень много. Гул голосов, как утром понедельника перед началом занятий в школе. Дети, подростки. Взрослые почти теряются в общей массе. Впрочем, есть некоторые сомнения, что все было именно так. Да и как тут будешь уверен? Я вынужден был полагаться исключительно на нос и уши, поскольку перемещался в пространстве, сидя в рюкзаке за плечами у Тома.

Как так получилось? Очень просто. До моего запланированного отъезда в кошачий пансион у нас с Кирой состоял-

ся *серьезный разговор*. Конечно, не в прямом смысле – говорить я по-прежнему не умею, но после нашего с ней обмена телами мы понимаем друг друга и без слов. Мне достаточно было, недовольно шипя, немного походить вокруг стоящей в коридоре переноски, и Кира сразу догадалась, что нужно делать: а именно – сказать Вернеру с Анной, что они с друзьями сами отведут меня в кошачий пансион – ведь это буквально за углом, а бедняжка Уинстон терпеть не может переноску. Потом позвонить в пансион и сообщить, что несчастный кот, к сожалению, заболел и поэтому все отменяется. А потом спрятать меня вместе с кошачьим кормом в большом черном рюкзаке Тома.

Таким образом, первое препятствие нам удалось преодолеть играючи. Когда Вернер подъехал на арендованном специально для поездки микроавтобусе «Фольксваген», место в нем заняли не только Анна, бабушка, Кира, Паули и Том, но и ваш покорный слуга, надежно замаскированный под багажную единицу. Я, Уинстон Черчилль, ехал зайцем, одновременно представляя собой самого что ни на есть настоящего кота в мешке! Вернее, в рюкзаке. Из которого практически ничего не видел. Зато обоняние подсказывало, что в пластиковом контейнере, на котором я сидел, лежит бутерброд с саями. Пахло необыкновенно соблазнительно, и мне в какой-то момент ужасно захотелось открыть коробку когтями, дабы вкусить ее содержимое. Но я, конечно, сдержался – ведь слопать завтрак Тома было бы весьма дурным тоном.

Вскоре мы, похоже, добрались до места, потому что Том, захватив рюкзак, вышел из машины, — и вот мы очутились в этом шумном и людном месте. Я попытался осмотреться вокруг, насколько позволяла узкая щель вверху рюкзака. Том оставил молнию приоткрытой, так что кое-что увидеть мне все-таки удалось. Мы действительно стояли в каком-то большом зале. Впрочем, выглядел этот зал совсем не так, как коридор в гимназии «Вильгельмина», где не было мебели, на выкрашенных светлой краской стенах висели объявления и огромная черная доска с расписанием занятий. Нет, здесь стены были, кажется, обиты деревом, повсюду стояли весьма уютные на вид кресла и диваны, а прямо перед нами возвышалась конструкция, похожая на очень длинный стол. За ней несколько молодых женщин, одетых во что-то вроде униформы, беседовали с людьми, стоящими по другую сторону стола.

Судя по тому, что стол стремительно приближался, мы целенаправленно двигались к нему. Наконец Вернер оказался перед одной из девушек, и та очень тепло его поприветствовала:

— Добро пожаловать в Луна-отель! Чем я могу вам помочь?

Ага! Мы прибыли в отель! Я ждал этого с нетерпением. За всю свою кошачью жизнь мне еще ни разу не доводилось останавливаться в отеле. Вернер бывал в них частенько, но меня с собой никогда не брал. Очевидно, гостиницы отно-

сются к числу тех мест, где присутствие котов не приветствуется. Мне этого не понять – ведь мы решительно всё собой украшаем и прекрасно смотримся на любом диване!

Вернер представил нас девушке и сообщил, что у него здесь бронь. Девушка вручила ему конверт и попросила кого-то, кого мне не удалось разглядеть в щель рюкзака, проводить нас в номер.

Кира, кажется, ткнула Тома в бок, потому что он слегка покачнулся, а с ним и рюкзак со всем его содержимым.

– Ух, как же тут здорово, правда? А посмотри на персонал! Все одеты как цирковые артисты! Супер! Я так рада, что мы сюда приехали!

– Да, класс! Чувствую себя так, будто очутился в каком-то шоу – смотри, там клоун жонглирует шарами!

Мурррр-мяу! На это и я бы с удовольствием взглянул, вот только я по-прежнему сидел в рюкзаке, а Том, кажется, показывал рукой куда-то в противоположную сторону. Поэтому я увидел вовсе не клоуна, а бригаду уборщиков, которые только что взялись за работу и начали протирать стены.

– Эй, да кто так чистит, прррросто безобрррразие! – воскликнула бабушка, очевидно тоже заметившая клинеров. Тут у меня невольно вырвался мурлыкающий смешок. В этом просто вся *наша* бабушка! В вопросах порядка, и в том числе уборки, она никому не даст спуска. Сквозь щелку я наблюдал, как бабушка подбежала к двум мужчинам в белых спецовках и стала им что-то объяснять. К сожалению, уро-

вень шума в фойе помешал мне разобраться, что именно она им говорила. Похоже, это была краткая инструкция, как правильно делать их работу, потому что бабушка водила воображаемой метелкой по верхнему краю деревянных панелей. Мужчины тарасились на нее и, не говоря ни слова, лишь качали головами. Потом они двинулись прочь вместе со своей тележкой, более не удостоив бабушку ни единым взглядом.

Разъяренная, она вернулась к нам:

– Неслыханная дерзость! Что они себе позволяют? Так плохо убиррррат в таком дорррогом отеле!

– Мамочка! – в голосе Анны, которую я хоть и не видел, но слышал хорошо, звучало раздражение. – Я очень хочу спокойно отдохнуть пару дней в этой замечательной гостинице! Не могла бы ты прекратить так ужасно себя вести?

– Ха! – Бабушка явно была задета, и, кажется, ее сейчас так и подмывало высказать Анне все, что она думает, – но тут к разговору подключился Вернер:

– Так, милые мои, мир! Мы ведь не хотим испортить себе прекрасные дни отдыха! Предлагаю быстро занести багаж в номера и сразу пойти в парк. Солнце светит, сахарная вата и американские горки нас ждут. Я прямо так и слышу их призывы...

Сахарная вата и американские горки? Что это такое? Скорее бы выяснить!

И часом позже я все выяснил. В гостиничном номере Кире, Паули и Тома мне удалось ненадолго выбраться из рюкзака, походить по комнате и даже облегчиться в захваченный из дома кошачий лоток, после чего я вернулся в мобильное укрытие и с помощью Тома отправился гулять по парку. Вернер купил всем сахарной ваты, и друзья дали мне попробовать этой липкой сладкой штуки. Необычно – но по-своему даже вкусно! Весьма приятное открытие!

А вот американские горки, напротив, оказались открытием крайне неприятным. Только мы с кучей других людей наконец отстояли длинную (очень-очень длинную!) очередь – все то время, пока мы в ней стояли, до меня доносились громкие визги и пiski, предвещавшие что-то необыкновенное, – как кто-то внезапно схватил Тома за рюкзак.

– Постойте-ка, молодой человек, – услышал я низкий голос, – рюкзак придется оставить здесь. Его нельзя проносить на аттракцион.

– Минуточку! – вмешалась Кира. – У моего брата там жизненно важные медикаменты. Ему ни на секунду нельзя выпускать их из рук.

– Поездка продолжается всего две минуты. А кататься с рюкзаками попросту опасно, – настаивал голос.

– Но это правда так! Я аллергик! Если меня укусит оса,

мне тут же потребуется лекарство. Сию же секунду! – попытался переубедить распорядителя Том. Тот вздохнул:

– Вообще-то, раз все настолько серьезно, может, тебе не стоит кататься на этом аттракционе?

– Но мы ведь прождали почти целый час! – заволновалась Паули. – Если нам придется уйти ни с чем, я сейчас разрываюсь прямо тут! Том мог бы перевернуть рюкзак на живот. Так он точно не слетит, и при необходимости можно быстро достать лекарство.

Небольшая пауза.

– Ну хорошо. Раз уж вы отстояли такую длинную очередь. Но только в виде исключения, и больше с рюкзаком здесь не показывайтесь. Ясно?

– Ясно! – воскликнули все трое хором.

Они двинулись дальше, и вскоре Том уселся во что-то вроде тележки, окруженной металлическими поручнями, – по крайней мере, так эта конструкция выглядела сквозь щель. Потом он действительно перевесил рюкзак со спины на живот, и меня немного тряхнуло.

И вот тут начались худшие две минуты моей жизни. Раздался щелчок, за ним последовал сильный толчок, потом что-то загудело. Сквозь щель в рюкзаке я увидел, что мы начали двигаться и, кажется, резко набирать высоту. Я почти горизонтально лежал на животе Тома. Некоторое время тележка вроде бы продолжала ехать куда-то вверх – я совсем ничего не видел. Потом мы вновь на мгновение замерли –

чтобы внезапно упасть вниз! Упасть? МЯУ! ОБРУШИТЬСЯ! В БЕЗДНУ! Я почувствовал, как мой маленький кошачий желудок поднимается куда-то к горлу, а усы от ужаса закручиваются в спирали. В голове роились мысли: что же это такое происходит?! Это настоящий кошмар! И наверняка невероятно опасно! Святые сардины в масле – и как я угодил в такой переплет?!

Я попытался вновь выглянуть из рюкзака, но в этот момент наша тележка вместе с пассажирами перевернулась вверх тормашками и меня сильно прижало к коленям Тома.

Между тем мой желудок устроил самый настоящий бунт, я чувствовал себя как несчастный пуловер в стиральной машинке, работающей в режиме отжима. На помощь, я хочу выбраться отсюда!

Мы снова резко взмыли вверх – и тут же ухнули вниз. Потом завертелись вокруг своей оси. Я слышал визги Киры и Паули, но в них звучал не испуг, а скорее радость – похоже, происходящее казалось им веселым приключением. Мне же, напротив, было бесконечно плохо, за эти минуты я истратил минимум семь из положенных мне девяти кошачьих жизней. Наконец наша тележка резко остановилась. Мне захотелось отряхнуться, чтобы удостовериться, что я еще жив. Но ничего не вышло – в рюкзаке было слишком тесно.

– Вау, это было супер! – ликовала Паули. – Надо будет обязательно повторить!

– Да! – хором подхватили Том и Кира.

«Нет!» – больше всего хотелось завопить мне. Да они, похоже, напрочь лишились рассудка! Еще одной такой адской поездочки мне точно не пережить!

Поэтому, когда дети высадились из тележки и отошли от аттракциона, я начал брыкаться и пинаться как сумасшедший, чтобы привлечь к себе внимание. А как только Том раскрыл рюкзак, тут же зашипел изо всех сил.

– Ой-ой-ой, кажется, «Супер-Твистер» пришелся Уинстону совершенно не по душе, – немного озадаченно заключила Кира и погладила меня по голове: – Мне очень жаль, Уинстон! Но, видимо, парк развлечений не лучшее место для kota. Только как же нам теперь быть? В гостинице тебя оставить нельзя – животные там под строгим запретом. А если каждый раз сдавать тебя в камеру хранения у входа на аттракцион, тебе, наверное, будет скучно.

Клянусь своей когтеточкой – лучше уж немножко пошучать, чем еще раз подвергнуться этой пытке! Я высунулся из рюкзака, указал лапой в сторону кошмарного «Супер-Твистера» – то есть туда, где он вроде бы должен находиться, – и очень энергично замотал головой.

Кира, Том и Паули расхохотались:

– Смотрите-ка, у Уинстона, похоже, абсолютная непереносимость американских горок!

Ха-ха, как смешно! Хорошо, что хоть вы повеселились! Я возмущенно зашипел и обиженно нырнул вглубь рюкзака. Но вслед за мной туда нырнула Кирина рука и примиритель-

но пощекотала мне брюшко.

– Эй, приятель, не сердись! Мы просто не хотели бросать тебя одного. Но раз тебе становится дурно в мертвой петле, в следующий раз мы просто оставим рюкзак у входа, а ты сможешь передохнуть, пока мы катаемся. Согласен?

Хоть я и не знал, что такое «мертвая петля», но передышка мне была очень кстати – это я знал точно!

Путаница с тяжелыми последствиями

Ой-ой, какой кошмар, мне снова дурно! А все этот рюкзак, ужасно темный и душный, куда даже кислород подается с перебоями – для нас, обитателей роскошных квартир, такие условия невыносимы. К тому же походка Тома вдруг как-то странно изменилась – теперь он делал такие огромные шаги, что меня еще больше болтало из стороны в сторону. Мяв! Наверное, его тоже немножко укачало на американских горках, может быть, у него даже закружилась голова. Только бы он теперь не вздумал упасть, а то придавит меня. Этого еще не хватало! И чего это он вдруг стал так нелепо сопеть?

Пора было привлечь внимание Тома и намекнуть ему, чтобы шагал поразмереннее, если не хочет досадных происшествий в рюкзаке. Однако не успел я возмущенно мяукнуть, как почувствовал, что рюкзак сняли с плеч и куда-то поставили. Молния открылась. И тут... тут я с ужасом встретился взглядом с совершенно чужими глазами, в которых читался точно такой же ужас.

– О боже, что это еще за скотина в моем рюкзаке? – рявкнул на меня незнакомец.

Скотина?! Это он что, обо мне?! Какая наглость! В ответ я на всякий случай зашипел. Мужчина испуганно отшатнулся, а я воспользовался случаем, чтобы высунуться из своей темницы и быстро осмотреться. Тома нигде поблизости не было, Киры и Паули тоже. Что-то тут явно неладно. Поэтому я одним прыжком выбрался из рюкзака, стоящего на скамейке в парке, и юркнул в ближайшие кусты.

Оттуда я увидел, как этот неотесанный мужлан судорожно вытряхнул содержимое рюкзака и застыл в полном недоумении.

– Вот черт, да это же не мой! – воскликнул он и быстро зашагал в ту сторону, откуда мы, видимо, только что пришли.

Постепенно до меня стало кое-что доходить. Тому пришлось сдать вещи у входа на американские горки. Очевидно, вышла какая-то путаница, и этому типу выдали рюкзак Тома. А Том сейчас, наверное, ходит с его рюкзаком. Ах ты святой кошачий лоток – вот так недоразумение!

И тут до меня дошло кое-что еще. А именно – что я остался совершенно один. Один-одинешенек. Без Киры, Паули и Тома – и к тому же на совершенно незнакомой территории. На секунду от ужаса у меня даже перехватило дыхание. Что же теперь делать?

Спокойно, Уинстон, спокойно, уговаривал я себя. Паника тебе сейчас точно не поможет, ты зрелый, умудренный опытом кот и должен сохранить холодную голову даже в такой ситуации!

Поэтому, глубоко вдохнув, я побежал вслед за незнакомцем, который, скорее всего, направился обратно к американским горкам. Вот только он быстро затерялся в толпе, и мне уже не удалось его отыскать, так что дальше я просто побрел куда глаза глядят, в надежде наткнуться на аттракцион, где меня наверняка ждали друзья.

Полчаса спустя, обойдя множество странных сооружений с еще более странными названиями вроде «Горный экспресс», «Гонки по Сахаре» или «Приключения на Ниагаре», я вынужден был признать, что окончательно заблудился. В этом парке развлечений сам черт ногу сломит! К тому же у меня давно урчало в животе, а ясно мыслить на голодный желудок я не умею ни при каких обстоятельствах. Пожалуй, стоит сделать крошечную передышку, чтобы спокойно предаться размышлениям и придумать, как найти друзей.

Я запрыгнул на скамейку и, погрузившись в мысли, стал машинально облизывать лапу. Мозг заработал на полную

мощность. Лучше всего вернуться в Луна-отель – это ясно. Рано или поздно ребята там обязательно появятся. Но как найти к нему дорогу? Спросить кого-то у меня вряд ли выйдет. Похоже, ничего не остается, кроме как отправиться в путь наугад. Лишь бы окончательно не растеряться в этой гуще человеческих ног. И хорошо бы никто нечаянно не отдал мне хвост!

Но только я собрался элегантно спрыгнуть со скамейки и продолжить поиски, как кто-то схватил меня за шкуру и стал трясти.

– Бартоломео, мерзавец, вот ты где! – проревел этот кто-то. – Ай-ай-ай, *мамма миа*, что думать – валяться тут, греться на солнышке, а? А кто работать? Нет уж! Долг зовет! *Алора, андиамо*, пошли!

Что зовет? И кто такой, ради всего святого, этот Бартоломео? Железная рука продолжала меня трясти, а потом подняла вверх, и я во второй раз за день увидел перед собой совершенно незнакомую пару глаз. Глаза принадлежали очень-очень крупному человеку с большими-пребольшими усами. Лихо закрученные на концах, усищи топорщились и были настолько огромными, что существовали почти отдельно от него. Не будь мое положение столь отчаянным, я, несомненно, расхохотался бы от такого зрелища. Человек с кошачьими вибриссами, ха-ха!

Но мне было совершенно не до смеха – ведь этот тип даже и не думал меня отпускать, а вместо этого куда-то бодро

шагал. Я уже и шипел, и брыкался, и выпустил когти – все без толку. Он вцепился в меня мертвой хваткой и держал на расстоянии от себя, поэтому мне никак не удавалось его оцарапать. При этом он безостановочно ругался и нес какую-то бессвязную чушь:

– Взять и сбежать, вот дурацкий кот... Уже полчаса должны репетировать... Вечно коди-ищи эту кошку, будто делать мне нечего...

На помощь, меня похитил какой-то безумец! А безумен этот человек наверняка, иначе с чего ему носить карнавальный кос тюм – светлый жакет с нашитыми на него блестящими полосками и пуговицами, узкие темные брюки и высокие сапоги, – когда время карнавала² давно прошло. Выглядел он в точности как директор цирка, ведущий представление, – Кира как-то показывала мне такого на афише. Кстати, девушки-администраторы в гостинице были одеты точно так же – видимо, здесь, в Луна-парке, эту одежду очень любят.

Впрочем, этот тип, хоть и был не в себе, кажется, совершенно точно знал, куда направляется. Семимильными шагами он целеустремленно куда-то тащил меня по территории парка, пока наконец, тяжело дыша, не остановился у огромного полосатого сооружения. Интересно, что это такое?

Когда он занес меня внутрь, я сразу все понял. Это был са-

² Карнавал в Германии и во многих других странах – праздник, связанный с переодеваниями, маскарадами и красочными шествиями, отмечаемый в феврале, перед Великим постом. Аналогичен Масленице у восточных славян. *(Здесь и далее прим. переводчика.)*

мый настоящий цирковой шатер с самой настоящей цирковой ареной посередине! А мое тонкое чутье сразу подсказало мне, что здесь выступают в том числе и звери. Я по-прежнему недоумевал, зачем мы сюда пришли, а тип тем временем пересек шатер и вышел из него через заднюю дверь во двор. Снаружи стояла металлическая клетка. Он отпер дверцу и, швырнув меня в клетку, закрыл ее на задвижку, и зашагал прочь.

– Через пятнадцать минут начинать! – успел он рявкнуть мне на прощание.

Я был настолько ошеломлен, что лишь через пару секунд заметил: я здесь не единственный пленник. Сзади, в углу клетки, меня молча разглядывала целая труппа. Это что еще за унылое сборище? Прищурившись от солнца, светившего мне прямо в глаза, я увидел одну козу, двух попугаев, небольшую обезьянку и – тут у меня прямо кошки на душе заскребли – двух собак!

Да, это точно был не мой день. Оказаться запертым в клетке с двумя собаками – хуже и быть не может! Я непроизвольно выгнул спину и отпрыгнул на вытянутых лапах на метр назад. Коза фыркнула, осторожно приблизилась ко мне на пару шагов и тщательно пригляделась.

– *Well*, – сказала она остальным после этого осмотра, – сходство действительно ошеломительное. Но это не он.

– Э, что-что? – спросил я, совершенно сбитый с толку. Коза обстоятельно откашлялась.

– Разрешите представиться: моя фамилия О’Нелли, – про-
блеяла она. – А с кем, дорогуша, *my dear*, мы – столь не ожи-
данно – имеем честь?

О черт, какая изысканность выражений! Я тоже решил
представиться по всей форме:

– Уинстон, Уинстон Черчилль.

– Очень приятно, – ответила О’Нелли. – Ты на замену?

– На замену?

– Нашему старому другу, *good old boy*, Бартоломео.

– Нет-нет, здесь, должно быть, какая-то ошибка. Я никого
не заменяю. Разве что иногда – собеседника своему соседу
Вернеру. Я просто сидел на скамейке, и тут пришел этот су-
масшедший, схватил меня, притащил сюда и запер. Может,
кто-нибудь объяснит мне, что произошло? – спросил я воз-
мущенно.

– Боже мой! *Oh my God!* – коза покачала головой. – Ми-
стер Балотелли, должно быть, принял тебя за другого. Вы с
Бартоломео похожи словно однояйцевые близнецы!

Однояйцевые? Что эта старая коза имеет в виду? Какая
дерзость! Но прежде чем я успел выплеснуть свой гнев, по
прутьям клетки ко мне пробралась обезьянка, плюхнулась
на пол прямо передо мной и стала с любопытством меня об-
нюхивать.

– Похожи, как две капли воды – ну или как два яйца, –
задумчиво пропищала она. – Но пахнет совсем иначе, не так,
как Бартоломео.

– А кто он вообще такой, этот Бартоломео? – вклинился я с вопросом.

– Черный кот, в точности такой же, как ты, – объяснила О’Нелли. – А также гвоздь программы нашего невероятного, *fabulous*, шоу. Кстати, позвольте представить... – коза гордо вскинула голову и указала рогами на двух попугаев, – Ромео и Джульетта, летающие математические гении...

– Дважды два... – сказала первая птица.

– ...четыре, – продолжила вторая.

– А здесь, впереди, – на этот раз рога указали на обезьяну, – у нас Флойд, виртуозный воздушный гимнаст на трапеции. – Словно в подтверждение этих слов Флойд небрежно проделал сальто назад. – Сзади стоят Пат и Паташон, наши реактивные собачки...

Как по команде псы упали на пол и принялись кататься из стороны в сторону, а в завершение представления вскочили на задние лапы. Мелкий, весь в глупых кудряшках пудель запрыгнул на спину мощному сенбернару, и тот поднял лапу в приветственном жесте.

– Еще, разумеется, Бартоломео, летающий кот, *the flying cat*. Ну и наконец, последняя, но не по значимости, *last but not least*, ваша покорная слуга. – Коза склонила голову и подогнула передние ноги так, что ее задняя часть устремилась вверх. – Ирландская чертовка.

– Впечатляюще, очень впечатляюще, – торопливо заверил я. – Но куда же делся этот Бартоломео?

– О! – О’Нелли снова поднялась на все четыре копыта. – Во время последнего выступления он подвернул заднюю лапу и с тех пор пребывает, кхм, в весьма скверном расположении духа. А мистер Балотелли, наверное, принял тебя за него, поэтому и принес к нам. У нас вообще-то давно должна идти репетиция сегодняшнего дневного представления, понимаешь?

– Э, да... вернее, нет... то есть, наверное... – промямлил я, несколько ошарашенный. – В любом случае я не этот ваш Бартоломео. Я был по ошибке разлучен с семьей, а потом заблудился. И мне нужно поскорее выбраться отсюда и попасть в Луна-отель. Мы все остановились там: мой консервный открывальщик Вернер, и Кира, и Анна, и... ну, не важно. Они наверняка обо мне беспокоятся!

– О! – изобразила сожаление О’Нелли. – *Well*, с тобой и правда произошла дурацкая история.

Я с готовностью закивал. Наконец-то эта чертовка начала понимать всю драму моего положения.

– Вот именно! И поэтому мне нужна ваша помощь, – проговорил я с надеждой, ведь у четвероногих принято помогать друг другу. – Итак, во-первых – как мне отсюда выбраться? А во-вторых – как найти гостиницу? Не могли бы вы меня туда проводить? Вы ведь здесь хорошо ориентируетесь, так?

– *Well*, – протянула О’Нелли, – нам нужно посоветоваться между собой. И она поцокала в угол к своим товарищам, а Флойд поспешил вслед за ней. Некоторое время эти шестеро,

сбившись в кружок, о чем-то оживленно шушукалась. Как бы я ни пытался наострить уши, мне не удалось разобрать ни слова. Что тут вообще можно обсуждать? Я кот в беде!

Пару минут спустя переговоры были окончены и мне на встречу с важной миной выдвинулась О'Нелли.

– Мы тебе, конечно, поможем, – заявила коза.

Ну вот, все получилось как нужно.

– Если ты поможешь нам, – добавила она.

– Хм, что ты имеешь в виду? – неуверенно спросил я.

– *Well*, очень просто: ты сегодня выступишь вместо Бартоломео, подменишь его, так сказать. А завтра мы тебя за это отведем к семье. *Okey-doke?*

– Мне придется выступать?! – я ошеломленно уставился на О'Нелли и компанию, а они в ответ с вызовом глядели на меня. – Я не могу! В конце концов, я еще никогда ничего подобного не делал!

К тому же в глубине души идея скакать и выкидывать всякие кунштюки перед публикой казалась мне совершенно нелепой. И унижительной!

– Правда, ребята, от меня не будет никакого толка. Честно говоря, я довольно неуклюж. И хоть у вас тут очень мило, спасибо большое за гостеприимство, но до завтра я остаться никак не смогу. Вы же понимаете, да?

Звери молча смотрели на меня.

– Мне. Нужно. Отсюда. Выбраться. Сейчас же! – настойчиво повторил я.

О'Нелли снова откашлялась:

– Прости, *sorry*, но если ты нам не поможешь, мы тоже не сможем ничего для тебя сделать.

– Это шантаж, низкий, подлый шантаж! – зашипел я.

О'Нелли сохраняла совершенно невозмутимый вид:

– Называй это как хочешь. Но рука руку моет, так уж у нас заведено.

Больше всего в тот момент мне хотелось вцепиться этой старой козе в загривок и показать ей, каково будет, если моя лапа умоет ей нос. Но это вряд ли помогло бы в достижении моей цели. Я напряженно соображал: как ни крути, мое благополучие сейчас целиком и полностью зависит от этой банды гнусных вымогателей. Без них я отсюда не выберусь. И даже если выберусь, наверняка тут же заблужусь и погибну мучительной голодной смертью, один-одинешенек, всеми забытый и покинутый, где-нибудь под кустом. При этой мысли у меня зловеще заурчало в животе.

– Кстати, после репетиции нас ждет хороший обед, – прервала мои размышления О'Нелли. – Еда тут действительно превосходная.

Ну хорошо. Решение принято. Так и быть – подменю этого злосчастного Бартоломео. Не так это, наверное, и сложно. В конце концов, я ведь кот в самом расцвете сил и в прекрасной форме, на пике своих физических возможностей, так сказать!

– Уговорили, – не стал долго раздумывать я. – Я это сде-

лаю. А завтра рано утром вы отведете меня к Луна-отелю. Идет?

– Конечно, можешь на нас положиться! – обрадованно воскликнула О’Нелли, и остальные тоже принялись шумно ликовать.

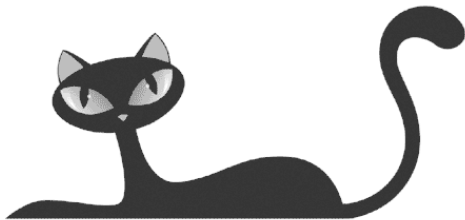
Должен признать, их воодушевление было заразительным. Когда в последний раз кто-то так радовался моему обществу? Поэтому я тоже довольно разулыбался.

– Пока не забыл: а в чем конкретно заключается моя работа? – все же решил уточнить я, прервав всеобщее ликование.

– Ах, да пустяки. Для тебя это, наверное, раз плюнуть, – отмахнулся Флойд. – Ты всего лишь должен прыгнуть через маленький горящий обруч на десятиметровой высоте...

Спаситель поневоле

– Что-что я должен?! – обескураженно мяукнул я. От ужаса у меня едва не начали скручиваться усы. Впрочем, я наверняка ослышался – не может же кто-то требовать от меня такого на полном серьезе.

– Прыгнуть через горящий обруч. Там, наверху, – невозможно повторил Флойд и показал лапой куда-то вверх, словно бы под купол цирка.

Тут я чуть в обморок не упал. Раньше я даже не догадывался, что кошкам это свойственно, но ощущения были именно такие – перед глазами слегка потемнело.

– А... э-э... да... – начал запинаться я. – Ну, если это все...

– Я знала, что на тебя можно положиться! – довольно сказала О'Нелли. – И не беспокойся, ладно? Со стороны трюк кажется сложнее, чем есть на самом деле. Уверена, ты спра-

вишься. К тому же для начала это будет всего лишь репетиция...

Как будто среагировав на это слово, откуда ни возьмись вдруг снова появился все тот же странный директор цирка, отпер клетку и выгнал всю труппу, включая меня, на манеж, то и дело покрикивая: «*Аванти!* Вперед!»

Я шмыгнул вслед за остальными, но все они быстро разошлись по своим местам. А мне куда деваться?

– Иди сюда, – шикнул на меня Флойд. – Сиди тихонько и жди. Ты самый последний на очереди.

На секунду я задумался – а не сбежать ли прямо сейчас? Не бросит же, в конце концов, безумный директор свое представление, только чтобы погнаться за мной. Но мне все же очень хотелось узнать, что тут будет происходить, и любопытство пересилило. Итак, я запрыгнул на бортик цирковой арены и стал смотреть, как остальные проделывают трюки. И вынужден признать, я был впечатлен! Чего они только не вытворяли! О’Нелли, глазом не моргнув, балансировала на перекинутой Балотелли между двумя тумбами узкой-преузкой дощечке, которая прогибалась почти до самого пола. Возможно, леди стоит задуматься о диете.

Пат и Паташон носились по манежу, кувыркались, катались и делали стойку на задних лапах. Ромео и Джульетта сидели на плечах у директора, который то и дело восклицал: «*Ва бене!* Корошо!» и задавал им каверзные математические задачки. А Флойд взмывал в воздух на трапеции, словно у

него были крылья. «Ух ты, отличное шоу», – думал я про себя. Шестерка выступала очень слаженно, сразу было видно, что они настоящая команда и уже очень давно работают вместе.

Тут словно по мановению волшебной палочки откуда-то из-под потолка на канате спустилась небольшая корзинка. И все посмотрели на меня.

– Эй! – рявкнул Балотелли в мою сторону. – Чего ты ждешь? Синьор Бартоломео котеть особое приглашение? Вперед!

На самом деле, конечно, он имел в виду меня! Итак, я поднялся, подбежал к корзинке и забрался внутрь. Канат сразу же натянулся, и корзинка стала подниматься вверх. Ах ты святой кошачий лоток, как же она раскачивается! И тут вдобавок ко всему я сделал то, чего делать не стоило ни в каком случае: посмотрел вниз. Ой-ой-ёшеньки, как же высоко! Мне снова стало дурно.

Корзинка резко остановилась и теперь просто раскачивалась вместе со мной из стороны в сторону.

– Хоп, хоп! – кричал внизу Балотелли.

В каком это смысле – *хоп, хоп*? Что он имеет в виду? Мне нужно спрыгнуть вниз – так, что ли? Да у него явно не все мышки в норке!

– Налево, посмотри налево, тебе нужно туда, – раздался вдруг шепот из ниоткуда. Я в полном недоумении повернул голову и увидел черного кота – он сидел на одной из стоек

шатра, укрывшись в тени. И выглядел в точности как я!

– Ну, давай же – вылезай из корзинки и забирайся вон туда! – приказал мой близнец.

Я посмотрел налево и заметил прямо перед своим носом небольшой выступ – площадочку, закрепленную на одной из стоек шатра. Ага, так вот куда мне нужно! Я осторожно перепрыгнул из корзинки на площадку. Есть! Наконец-то мои лапы ступили на твердую почву – ну то есть хотя бы на крохотный ее клочок. Было не так уж и сложно. Впрочем, я заподозрил, что дело этим не ограничится, и обернулся к своему сородичу.

– Ты, видимо, и есть тот самый Бартоломео? – осведомился я с любопытством.

– Бинго! Ты угадал, – ответил тот.

– А что ты делаешь тут, наверху?

– Во-первых, прячусь от Балотелли, а во-вторых, должен же кто-нибудь тебя поддержать.

– Э-э, спасибо, – пробормотал я. – Но как ты сюда попал?

– Взобрался по стенке, разумеется, – удивленно сказал мой визави. – Я же кот.

– Да, это-то я вижу. Но мне сказали, что у тебя травма...

– Это верно, – кивнул Бартоломео. – Очень неприятная. Вывихнул заднюю лапу. Лазать я еще кое-как могу. А вот о прыжках и думать нечего. К счастью, тут подвернулся ты!

Насчет «подвернулся» я бы, конечно, поспорил – скорее уж меня сюда абсолютно бесцеремонно приволокли. Но с

учетом текущего положения дел я счел более разумным не вдаваться пока в детали.

– А почему бы этому Балотелли просто не убрать твой номер из представления, пока ты не поправишься? – вставил я.

– Это невозможно. Я ведь гвоздь программы, ее венец! – возмутился Бартоломео. – Говорят, некоторые люди приходят в цирк исключительно ради меня!

Ну тут уж он, конечно, хватил... Этот Бартоломео, похоже, тот еще хвастун, подумал я, но вслух лишь дипломатично пробормотал:

– Ах вот как.

– Да, именно так, – подтвердил кот. – Но давай о тебе, мой друг и помощник. Ты должен медленно сфокусироваться и найти свой центр. Сейчас спустят обруч, а от концентрации в этом номере зависит все.

Что я должен сделать? Кого найти? И что сейчас подадут? Этот хвостатый говорит загадками.

Вид у меня, вероятно, был весьма глупый, поэтому он повторил еще раз, подчеркнуто медленно и с нажимом:

– Кон-цен-тра-ци-я. Ты же знаешь, что это такое, правда? Он меня что, за дурака держит? Конечно же, знаю.

– Хорошо, – продолжил Бартоломео. – Итак, сейчас сверху подадут обруч. Тебе нужно смотреть в него прямо насквозь, на площадку с другой стороны, понял?

Я обернулся и увидел, что на расстоянии метров около двух отсюда расположен примерно такой же выступ, как тот,

на котором я сейчас сидел.

– Не смотри на обруч, – наставлял меня кот. – Просто на-
правь взгляд сквозь него, сделай глубокий вдох и выдох, ды-
ши животом. Сохраняй полнейшее спокойствие. И не смот-
ри на обруч. Напряги мускулы. Глубокий вдох и выдох. И
потом прыгай. Ясно?

– Ясно! – ответил я. Хотя мне ровным счетом ничего-
шеньки не было ясно. Что за чушь он нес про дыхание? Не
успел я подумать, что стоит, пожалуй, обо всем переспро-
сить, как откуда-то сверху на еще одной веревке спустился
обруч и повис примерно посередине между двумя площад-
ками.

– Внимание, начинаем! – шикнул Бартоломео. – Найди
свой центр, сконцентрируйся!

Я стоически посмотрел сквозь обруч на вторую площад-
ку. Не так уж она и далеко, ты запросто допрыгнешь – мыс-
ленно уговаривал я себя, пытаюсь собраться с духом. Я уже
напряг было мускулы и приготовился к прыжку, как вдруг
послышался *щелчок* и из обруча заструился какой-то газ с
ужасно неприятным запахом. *Пых!* Обруч загорелся!

Ах ты несчастная сардина в масле! Я совершенно за-
был, что эта штука еще и горит! Причем хорошо так горит.
На мой взгляд, языки пламени были великоваты, а свобод-
ная от огня зона в центре круга – маловата. Мне никак тут
не проскочить, не опалив шерсть! На помощь! Меня охватит
пламя, я, разумеется, тут же бесславно рухну вниз, на арену,

где и испущу свой последний вздох – весь в подпалинах и с переломанными костями...

Словно прочитав мои мысли, Бартоломео крикнул:

– Вдох, выдох – и вперед! И не смотри на обруч! Прыгай!

И я глубоко вдохнул и выдохнул, вдохнул и выдохнул, напряженно вглядываясь в противоположный выступ и пытаюсь игнорировать полыхающий прямо передо мной ад.

Еще раз вдох и выдох, вдох и выдох. А потом я прыгнул так, как никогда еще не прыгал, и стрелой пронзил воздух. Прощай же, бранный мир – едва успел подумать я и – раз! – уже приземлился на площадку. Я недоверчиво осмотрелся: горящий обруч все еще болтался в воздухе. Внизу Балотелли кричал: «*Va bene*, корошо!» и хлопал в ладоши.

Я сделал это, в самом деле сделал! Ну я и чертяка! С ума сойти! Моя Одетта ни за что не поверит, если ей рассказать!

Только теперь я наконец заметил, что дрожу всем телом. А чем это тут, кстати, так странно пахнет? Упс, кажется, я слегка подпалил кончик хвоста... Но я так радовался и так гордился своим прыжком, что эта мелочь меня совершенно не расстроила. Пустяки, шерсть ведь отрастет.

– Видишь, все получилось! – раздался голос Бартоломео с другой стороны шатра. – Не так уж и плохо для первого раза.

Не так уж и плохо? Не успел я высказать этому высокомерному снобу все, что думаю о нем и его невежественных комментариях, как он словно растворился в темноте, а перед моим носом повисла другая корзинка, которая, вероят-

но, должна была доставить меня вниз.

Когда директор цирка вернул нас обратно в клетку, мои коллеги-артисты окружили меня и стали наперебой расхваливать:

– Супер!

– Мировой класс!

– Ты как будто всю жизнь только этим и занимался!

– Спасибо, спасибо, – отвечал я всем, пытаюсь выглядеть по возможности скромно. – Новичкам везет, – добавил я, – но я, конечно, думаю, что мне...

– ...тебе нужно лучше концентрироваться, – перебил меня кто-то. К клетке, никем не замеченный, прокрался Бартоломео и теперь величественно восседал рядом. – Тогда и хвост не подпалишь.

Вот же заносчивый хам! Что он о себе возомнил? В конце-то концов, я ведь тут за него отдувался, лез в пекло – в самом прямом смысле.

– Ну так и прыгай тогда сам, раз тебе виднее, как нужно, – напустился я на него.

– Ох, мальчишки, *boys!* – встряла со своим блеянием О’Нелли. – Не ссорьтесь, пожалуйста. Уинстон, твой прыжок действительно был супер. Просто нашему старому вояке нелег-

ко даются комплименты.

Секунду мы с Бартоломео молча смотрели друг на друга, кончики наших хвостов подрагивали, и я наконец заметил, что он и правда уже очень стар. На морде у него тут и там уже пробивались седые волоски. Удивительно, что он вообще еще выступает!

Бартоломео обстоятельно откашлялся:

– Ну, в общем, кхм... ты правда очень хорошо все сделал, Уинстон, спасибо.

– Не за что, рад был помочь, – примирительно ответил я.

– Без тебя нам бы пришел конец! – заверил он.

– Да ну, что ты! – сказал я. – Не окажись тут меня, вы придумали бы что-нибудь другое. Как говорится, *the show must go on* – шоу должно продолжаться...

– Не думаю, – мрачно проблеяла О'Нелли.

– Без тебя, – залаял Пат, – всех нас наверняка отправили бы в приют.

– ...и возможно, даже усыпили бы, – прорычал Паташон.

Приют?! Усыпили?! Неужели я все правильно расслышал?!

Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес!

Только я собрался расспросить коллег, что за ужасные истории скрываются за леденящими душу словами «*приют*» и «*усыпить*», как вдруг у меня защекотало в носу – тонким обонянием я уловил какой-то соблазнительный запах. Мой бедный пустой желудок немедленно отреагировал на него голодным урчанием.

И тут из-за угла вывернул синьор Балотелли, толкая перед собой сервировочный столик, уставленный всевозможными

звериными вкусами.

– Хоп, хоп, – бурчал он время от времени. – Сперва ешь, потом шоу!

Расставив по клетке разные миски, он двинулся дальше. Для Ромео и Джульетты здесь был зерновой корм, Флойду предназначались бананы и что-то вроде каши, довольно-таки отвратительной на вид – я предпочел не задумываться о том, что там было намешано. Для О’Нелли приготовили свежую траву и морковку, Пат и Паташон набросились на миски с кусочками мяса, а в мою сторону директор цирка толкнул огромную миску с жареной куриной печенкой.

Ух ты! О’Нелли была права. Хоть этот Балотелли и не отличался особым дружелюбием – по крайней мере, до сих пор он ни разу его не проявлял, – но об угощении своих пернатых и хвостатых артистов он, похоже, умел позаботиться на славу. Для начала я осторожно принялся к огромной порции. Пахло по-настоящему вкусно! Как будто бабушка готовила. И я наконец хорошенько налег на еду – ведь, если не считать горстки сухого корма утром, я сегодня еще ничего не ел и был совершенно обессилен. Ммм, как вкусно!

Вдруг моя восхитительная трапеза была прервана смущенным покашливанием. Я поднял взгляд и увидел Бартоломео, который с просящим видом бродил вдоль клетки и терся о прутья. Ах да, вспомнил я, есть же еще и он! И, строго говоря, печенка, которую я уминал с уютным чавканьем, вообще предназначалась ему. Поэтому я решил не жадни-

чать и подтолкнул миску к решетке так, чтобы Бартоломео мог легко достать до нее лапой. Он тут же выудил себе кусочек, и вскоре мы совместными усилиями дружно опустошили миску. В конце концов, еды в ней было столько, что запросто хватило бы и на четырех кошек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.